

Антон БОТЕВ

ЧЕТВЕРТЫЙ СЛОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Не помню в подробностях, но если в целом, то дело было так. Я вернулся домой обессиленным, но живым; меня ранили в ногу, и ходить было не очень приятно, хотя рана почти зажила. Дома я в основном спал сколько хотел и читал давно забытые (или не законченные) книги, как будто в первый (или на самом деле в первый) раз, с детским ощущением нетерпеливого ожидания того, что будет дальше, и пониманием, что читаешь самую прекрасную книгу в мире.

К сожалению, скорость такого способа восприятия информации конечна, и я иногда захлебывался чтением. Тогда приходилось выныривать в так называемую реальную жизнь.

В одной из книг рассказывалось о мальчике, которого старая бабушка ведет откуда-то домой, а ведет она его домой потому, что по пути его подстерегали бы разнообразные опасности, такие как другие мальчики, бродячие собаки, насильники-педофилы, похитители детей для целей получения выкупа или распродажи на органы, распространители наркотиков, которые дают первую дозу бесплатно, например, в виде конфетки, а потом подсаживаешься так, что готов все отдать за следующую, в общем, мало ли опасностей подстерегает маленького мальчика, возвращающегося домой. Бабушка была ему неродная, в красном или, скорее, бордовом пальто, путешествие даже в ее присутствии было полно опасностей и приключений, например, от собак мальчика не спасла бы и бабушка, правда, собаки участвовали во всей этой опасности лишь фоном. Книга была от лица мальчика, и я как бы смотрел на все события его глазами, и вспоминал похожие вещи: вот в детстве между аптекой и пятнадцатой школой, когда я возвращался из поликлиники, или, может, с остановки четвертого троллейбуса, меня остановили два парня и приказали выкладывать все деньги. Нет денег, сказал я. А если найдем, сказали пацаны. Попрыгай, сказали пацаны. Спасла меня аналогичная бабушка в бордовом пальто, а может, в сером плаще. Или некий старшеклассник после уроков вывел меня на стадион возле пятидесят третьей школы и сказал: «Соси». Сначала я не поверил, что он хочет, чтобы это происходило на стадионе прямо перед школой, но он был серьезен и очень зол. И тогда я поверил. Сейчас я понимаю абсурдность его приказа, может быть, он хотел меня просто напугать. В общем, я спасся и тогда, все-таки по стадиону ходило довольно много других учеников, не все разделяли перверсии моего мучителя. Ничего страшного тогда снова не случилось: у меня было счастливое детство.

Читая эту книгу, я все больше убеждался, что автор описывает мой город, и даже, вероятно, мой район. Во всяком случае, было очень похоже. Например, по пути *туда* (куда именно – это одна из тех подробностей, которые я как раз не помню) мальчик с бабушкой проходили мимо парка с обкорнанными статуями или какими-то другими украшениями, потому что парк только обустраивался, хотя я не помню, чтоб в то время парки обустраивались, скорее, парки тогда разрушались (можно списать это на художественный вымысел, или же это была как раз та стадия разрушения, которая похожа на обустройство). Статуи были похожи на Венер Милосских (только конечности были не отломаны, а сошли на нет постепенно, как будто раньше они были гигантскими леденцами, и кто-то их обсосал), а обитые досками деревья напомнили мне заготовки статуй или украшений, напомнили мне обитые досками деревья в Петровском Парке, когда мы рыли там окопы. Окопы рыли, а о деревьях заботились. Так или иначе, на пути туда парк напоминал театр военных действий, а на пути обратно он был уже

отреставрирован, и статуи стояли во всем своем великолепии. В частности, восстановленные Венеры Милосские держали в мускулистых руках полагающиеся им весла. Мальчик с бабушкой увидели этот парк (во второй раз) непосредственно после того, как прошли мимо двух подозрительных мальчиков, которые стояли около аптеки, и я внезапно понял, что аптека – это та Аптека, около которой меня пытались ограбить в детстве, а те два мальчика ограбили бы и героя книги, если бы с ним не было бабушки. Все совпадало, кроме того, что вместо парка в здесь находилась коробка возле сорок пятой школы. Там я посещал секцию хоккея с шайбой и даже однажды зимой забил гол.

Постепенно узнав в описываемом городе свой, в героях я тоже узнал своих, но уже не постепенно, а разом, всего-то и нужно было поместить их в знакомые декорации. Мальчик был мой знакомый, Алеша, а бабушка в бордовом пальто – подруга, как она себя называла, моей мамы, а на самом деле никакая не подруга, а приживалка. Она, бывало, ночевала у нас, выпрашивала у мамы всякую старую одежду, безошибочно приходила в гости к обеду или ужину, или даже завтраку, и так далее. Прозвище «Подруга» прилипло к ней. Все в доме постепенно привыкли к Подруге и воспринимали как свою, я же, как вернувшийся недавно, еще не воспринимал ее как свою, но тоже привык. Или, наоборот, не привык, но воспринимал как свою. Что-то одно из двух.

В итоге Алеша и Подруга, испытав множество приключений и опасностей, благополучно добираются домой. Но их ждут новые опасности и приключения, потому что в школу (или в поликлинику) нужно ходить если не каждый день, то хотя бы регулярно, и жить и вообще существовать нужно, к сожалению, регулярно. В книге парадоксально утверждалось, что реальная жизнь – на самом деле замечательная штука. На этом месте я в очередной раз вынырнул в эту самую реальную жизнь и вышел на кухню чего-нибудь пожевать. На кухне как раз тусовалась Подруга, и я наудачу спросил ее:

– А где Алеша?

На что она вздрогнула и довольно испуганно сказала:

– А я его послала по поручению.

– По какому поручению?

– Ну, по поручению.

– Куда ты его послала по поручению.

– Ну, туда, к многоэтажкам.

– К каким многоэтажкам?

– Ну, возле бань.

– У него же нога, как он так далеко пошел?

– Ну он сам хотел пойти, у него друзья там, говорила ему не идти, но он говорит, нет, говорит, друзья у меня на площади Лепсе, мне с ними обязательно надо. Вот и ушел к друзьям куда-то.

– А что за поручение?

– Ну он говорит, не надо ли чего-нибудь, я ему и дала поручение.

– Да какое поручение-то?

– Ну, поручение.

Больше от нее ничего добиться было нельзя, и я пошел за Алешей. Остальным как будто было наплевать, что хромым мальчик ушел куда-то к баням. Я понятия не имел, что Алеша был здесь и что у него болит нога, я вообще сказал о нем наугад, под влиянием книги, но никто не удивился моим вопросам, из чего я заключаю, что, может быть, что-то проспал или пропустил. Так, в принципе, могло быть, я довольно редко выходил из своей комнаты. Только, как упоминалось, пожрать или в туалет, но поскольку ел я мало, то и в туалет ходил редко.

– Ну пошел и пошел, – сказала мама. – Чего ты. Как пошел, так и вернется. Тоже мне.

Я знал место, куда предположительно отправился мальчик Алеша. Это если спускаться от площади Лепсе по улице Лепсе вниз, с левой стороны. Там действительно неподалеку бани, рядом стоит девятиэтажка (при этом о ней в знак уважения говорят во множественном числе), а вокруг гаражи. Гаражи представляют собой как бы распределенный исток (или устье, с какой стороны смотреть) Троллейбусного переулка, места как будто бы вневременного, оставшегося неизменным примерно с пятидесятих годов двадцатого века, с такими же вневременными обитателями и нравами. Там живут и всегда жили какие-то совершенные автохтоны, которые никогда не выбираются наружу; с другой стороны, и снаружи к нам мало кто рискует отправиться. Гаражи – это пограничная зона, если долго блуждать между ними, можно выйти на Троллейбусный, никогда не с первого раза. Непонятно, кто обитает в этих гаражах, наверно, промежуточные люди¹.

Генри Дэвид Торо написал как-то: «Во время своих долгих странствований я объездил весь Конкорд». В то время население Конкорда составляло две тысячи человек. Во время долгого пути до многоэтажек я прошел примерно два Конкорда (но учтите, что Торо было легче, у меня все-таки нога). Чтобы дойти до многоэтажек, нужно пройти по улице Мельникова, с правой стороны одноэтажные домики, из которых один, правда, выделялся своей двухэтажностью, а слева забор детского сада, когда-то с дырками между штакетин, потом сплошной, но все равно деревянный, как Московский Кремль, а потом сплошной и не деревянный (и опять-таки как Московский Кремль, но не каменный), а железный и выкрашенный синей краской. С этим детским садиком связано мое первое в жизни воспоминание о плохих людях. Эти плохие люди были плохими потому, что *нарушали*, а как конкретно нарушали, я еще не знал. Мама с папой (который тогда не пил, т.е. пил умеренно) работали в детском саду сторожами, поскольку не было денег, а мне было ли три года? Не уверен. Помню пятна зелени, пятна солнца, мама с папой тоже в виде пятен выходят со мной вместе на улицу и выгоняют людей, которые нарушают. Люди были почему-то не в виде пятен. Наверно, сидели на веранде и выпивали, или, может, нюхали или кололись. Звуки были в виде пятен, даже не могу сказать, агрессивные или нет. Приятно думать, что а вдруг я тогда спас их от смерти, как они потом спасли меня, каждый по-своему, несколько раз? Например, мелкие бандиты, решая свои мелкие бандитские дела на детской веранде, увидели, что к ним вышла молодая пара с маленьким ребенком, а не злобная старуха, и не стали их убивать (что непременно случилось бы в случае мерзкой сторожихи), а просто убрались подобра-поздорову. Таким образом, часть своего долга перед ними я покрыл бы заранее.

Далее, пересекши улицу Гайдара, я встретил во дворе пятиэтажки карлицу с собакой или двумя собаками. Эта карлица выглядела в точности как та карлица, ее мама, которую я видел в детстве, только, пожалуй, ростом побольше, а та, в свою очередь – в точности как третья карлица, ее мама, опять же с неизбежной пренебрежимо малой поправкой на рост. И все они всегда ходили с собачкой или двумя собачками, и у каждой был муж нормального роста, только вот если рождалась дочка – она всегда была карлицей, почти не отличимой от матери, с указанным незначительным отличием в росте и внешности. Внешность карликов ничтожна по сравнению с их ростом и, например, полом, то есть, я хочу сказать, для людей обычного роста карлики одного пола неразличимы, если разница между ними во внешности не является какой-то уж совсем невообразимой. Та карлица (средняя, если считать по поколениям) меня (ребенком, мне уже было лет семь) знала, но никогда со мной не здоровалась, а эта меня помнить никак не могла, потому что меня не было в городе пятнадцать лет, но все равно кивнула как знакомому. Возможно, для карликов все люди нормального роста тоже на одно лицо.

¹ Подробнее о Троллейбусном переулке, его обитателях и вообще топографии города (в том числе которая упоминается дальше) см. в серии очерков «Основы кировского акцента», «Волга», №9-10, 2021; а о промежуточных людях см. эссе «Лимитрофный человек», «Волга», №10, 2014.

Далее путь лежит мимо ряда двухэтажек по улице Крутикова, бывшей Мориса Тореза, во время моего школьного детства опрятных внешне (мы даже жили в одной из них, когда у нас был ремонт; помнится огромное количество рыжих тараканов), но теперь почерневших, со следами пожаров, с разбитыми стеклами, с чашами непролазных кустарников вокруг. При всем том внутри кто-то живет. Раньше мир был оттенки серого, голубого и розового; потом как будто крутанули резкость, переходов почти не осталось; с наступлением войны резкость выкрутили до предела, и осталось, в общем, всего два цвета. Так и здесь, хотя здесь вроде не бомбили. Между участками черноты и трущоб все-таки осталась светлая тропинка, по которой я шел; но свернуть с нее так, чтоб не заляпаться, очень сложно, если вообще возможно. Кто живет в этих домах – бог весть: неблагополучные элементы, наркоманы, шпана, осуществляющие тихую экспансию лимитрофные обитатели Троллейбусного переулка.

Если свернуть с Крутикова (бывшей Мориса Тореза) на Большева (бывшую Солидарности), то, пройдя по ней, выйдешь к улице Лепсе, на другой стороне которой и находятся означенные Подругой многоэтажки. По пути я не видел ничего подозрительного, а так как я хромал и шел медленно, у меня было время осматриваться: ни Алеши, ничего. Вообще мало народа, но есть, конечно. Было два мальчика, похожих на тех, что могли бы отнимать у детей помладше деньги, но, боже мой, у всякой подозрительности должны быть свои границы.

Подходя к девятиэтажке, я увидел на крыльце ее подъезда мужчину с инвалидной коляской. Он не сидел в этой коляске, и сам ни в коем случае не имел инвалидного вида, а стоял рядом и пытался запихнуть ее в узкий проход. Я подошел со своей больной ногой и помог мужику. Говоря по совести, мне или даже Алеше эта коляска пригодилась бы больше. Мужик посмотрел на меня и сказал:

– Болит? – имея в виду мою ногу.

– Ну да, блядь, конечно, болит, – сказал я, безотчетно, видимо, желая своим «блядь» показать свои страдания и вызвать сочувствие, чтоб меня посадили в колясочку. Мои ухищрения, конечно, запоздали, коляска уже стояла в отведенном ей месте. А мужик стоял в отведенном ему месте и курил. Он протянул мне сигарету.

– Спасибо, – сказал я, и мысленно добавил: «Хоть что-то».

Мы стояли и курили.

– Оттуда? – спросил мужик.

– Да.

– Я тоже.

– И я.

– Спасибо, что помог коляску приладить; теперь наконец-то смогу книгу написать.

– Чего?

– Ну, коляску затолкали. Все сделали, что нужно было, теперь ничего не мешает, наоборот, теперь все как надо.

– В смысле?

Мужик докурил и ушел, не ответив. Я не очень понял, что он имел в виду. То ли у него время освободилось, то ли он каким-то образом моделировал реальность, чтобы потом списать ее с натуры. Не понял.

Прошел во двор многоэтажки. Там сидел на скамейке необыкновенно тучный человек и вдумчиво выпивал. Увидев меня, он обрадованно сказал:

– Благословение небес, что ты пришел!

– Чего? – сказал я.

– Благословение небес тебе, говорю! Хорошо, что ты пришел.

– Почему?

– Потому что теперь ты увидишь своего мальчика. Если б ты не отправился в путь, чтобы его спасти, ты бы его не спас, и никогда бы больше его не увидел. Но теперь увидишь.

- Это не мой мальчик.
- Ну какая разница. В широком смысле твой.
- В широком смысле мой, – согласился я.
- Ну вот видишь.
- Откуда ты знаешь? – сказал я.
- Что знаешь?
- Про мальчика.

– Смотри, – сказал он. – Есть минимум четыре слоя реальности. Первый – это что показывают Алеше, что он видит. Ты не имеешь об этом слое точного представления, но приблизительное да. Ты читал о нем в книжке, ты видел мир его глазами. Кое-что ты, может быть, помнишь в виде пятен.

- Так, – сказал я.
- Второй слой – это что на самом деле происходит с Алешей.
- То есть то же самое, что первый слой?

– Нет. Он был уверен, что он идет к своим друзьям и что бабка дала ему Поручение. Но нет, все было совершенно не так. Никаких друзей не было, то есть были, то есть и есть, но не здесь и не сейчас. Бабка на самом деле дала ему поручение, но это поручение не привело бы его ни к чему хорошему, совершенно ни к чему. Привело бы, наоборот, только к плохому. Мальчику показывали одно, а вели его совершенно к другому, в ловушку его вели. Но не довели. Ничего, может, в следующий раз. А может, и нет. В общем, вам всем дико повезло, что ты решил за ним пойти.

- А что бы с ним случилось?
- Я даже не хочу говорить.
- Ну а все-таки?
- Ну ты оглядись вокруг, может, поймешь.

Я огляделся вокруг. Вокруг были гаражи, голуби, серость, многоэтажка, ветер, выпивающий толстяк (с которым я как раз беседовал), пустая детская площадка, общая пасмурность, чахлая растительность, в общем, все как обычно. Небо чистое, насколько я мог судить.

- Возможно, я тебя и понимаю.
- Ну вот видишь. Еще раз поздравляю тебя, ты молодец.
- Спасибо. Погоди, а ты кто?
- Я эти слои формирую. Не спрашивай, не поймешь.
- Инфлюэнсер?
- Не спрашивай, сказал.
- Ладно, а третий слой реальности?
- Третий слой реальности, – важно сказал толстяк, – это то, что показывают тебе.

Конкретно то, что я лично тебе рассказываю и показываю. Тебе же показывают больше, чем твоему парню, согласишься?

- Да, больше, – сказал я. – А четвертый слой, соответственно...
- А четвертый слой – это то, что происходит с тобой на самом деле, естественно!

Надеюсь, ты же не думаешь, что ты видишь все, что *на самом деле происходит*?

- Ну да, мне, как тому мальчику, показывают совсем другое...
- Да! Но у тебя есть возможность увидеть и этот четвертый слой. Не просто увидеть, а почувствовать, осознать, короче, понять. И знаешь, что для этого надо сделать?
- Что?

– Для этого тебе надо вернуться и пройти путь, пройденный этим мальчиком, ну, то есть и тобой, шли-то вы одним путем.

- У меня нога.
- Послушай, мудила, – сказал мне толстяк. – Твой мальчик уже в безопасности, он дома, ты молодец, ты сделал все, что мог. Вы разминулись потому, что он возвращался мимо ДК «Родина». Ты молодец. Ты действительно молодец. Ты же мог вообще не

выходить из дома и читать книжку о том, как восхитителен реальный мир, или общаться с родными. Понял?

– Понять-то я понял...

– Точно так же ты можешь не делать еще один круг. Только в том случае, если ты хочешь этот четвертый слой увидеть. Никто тебя не заставляет, понял нна?

– Понял.

– Ну и вали.

И толстый человек демонстративно отвернулся от меня и продолжил выпивать из пакетика.

Нога страшно болела. Сначала она не болела, но от долгого пути заболела. Я, подобно Дэвиду Генри Торо, объехал весь свой город. Ну, не весь, конечно, но существенную его часть. Ну что ж делать, подумал я, все равно идти домой, там решим, идти сюда снова или не идти.

Я обошел многоэтажку и направился домой мимо ДК «Родина». Еще одна из подробностей, которую я не помню, развернулся я в сквере при упомянутом ДК или раньше, у магазина на Солидарности (ах да, ныне Большева). Важен факт того, что я развернулся и пошел обратно: обойду еще раз дом, решил я, посмотрю на этот его четвертый слой. Толстяк нигде не говорил, что нужно проходить *весь* путь.

По пути снова встретил карлицу с собакой-двумя, не знаю, из какого поколения. Не знаю, кивнула бы она мне или нет, если бы заметила – а так просто не заметила. Не могу отметить, что это было совсем другое место, чем в первый раз.

У многоэтажки снова увидел на крыльце мужика с коляской, снова ему помог.

– Болит? – спросил меня мужик.

Я не ответил. Во-первых, он и так знает, что болит, а, во-вторых, видно же, что болит.

– Оттуда? – спросил мужик.

– Да.

– Я тоже.

– Я знаю.

– Раненых пристреливали, – сказал мужик. – Чтоб не задерживали остальных.

Докурил и ушел в подъезд.

Я дохромал до двора. Там был тот же тучный человек, только теперь он по пояс врос в землю и вид имел не совсем живой, но и не мертвый, скорее, как статуя, типа Головы в «Руслане и Людмиле», только не по шею, а по пояс. Уже не выпивал. Возможно, держал в руке зонт, чтобы укрываться от дождя (начался ли дождь – это еще одна подробность из тех, что я не помню, но, во всяком случае, было пасмурно и он все время собирался). Вот видишь, сказал он мне, вернее, промолчал он мне, или, может быть, это только я так подумал, вот видишь, вот и четвертый слой. Я подошел ближе.

– И какой он, твой четвертый слой? – спросил я. – Кроме Подруги ты и карлицу мне послал? Она же всегда была, я помню. И мужика с коляской? Что он за книгу пишет? Может, ту самую, в которой мальчик возвращается с бабкой домой, лучшую книгу в мире? О том, как прекрасен этот мир, посмотри? Как прекрасен этот мир?

Толстяк молчал, только ветер шевелил его седые волосы.

Я не знал, что мне делать дальше. Чуть ли не бегом (насколько позволяла нога; а скорее, вприпрыжку) я снова обошел многоэтажку. Мужика с коляской на крыльце уже не было. Во дворе же было все то же самое: двор, гаражи, дождь, неподвижный толстый человек по пояс в земле, превратившийся уже, скорее, в деревянную грубо вытесанную скульптуру на детской площадке (или он и был таким). Конечностей не было, как будто этот мужик был когда-то леденцом, и кто-то его обсосал. Тишина, и только ветер свистит в проводах.

И как мне добираться до дома с такой ногой, совершенно непонятно.